

Солдатский
ПУРАМ

М и х а и л С Е Р Е Г И Н

КОРОТКИЙ ПУТЬ
НА ДНО

Я – сомалийский пират

Михаил Серегин

Короткий путь на дно

«Научная книга»

2010

Серегин М. Г.

Короткий путь на дно / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2010 — (Я – сомалийский пират)

Романтика морских приключений, отчаянная храбрость и безрассудство, благородство и великодушие – все в этой книге! Молодой сомалиец Шариф Туни знает, как помочь своей стране подняться с колен и выбраться из нищенской кабалы. Надо взять в руки старенький «АК-47», собрать верных друзей и выйти в море. Иными словами, стать пиратом. Но не бандитом, не хладнокровным убийцей, а именно пиратом, таким же, какими он представлял себе былых властителей морей – корсаров. Чтобы олигархи, воры и глобалисты дрожали при упоминании его имени! Чтобы бедные земляки восхищались им и слагали в его честь стихи! И чтобы в него влюблялись самые красивые женщины мира! Но как труден и тернист путь к этой заветной мечте...

© Серегин М. Г., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Михаил Серегин

Короткий путь на дно

Глава 1

Рассвет в южных морях всегда приходит неожиданно. Казалось бы, только начали тускнеть на небе звезды – и вот уже небо посветлело. Горизонт как будто по мановению волшебной палочки раздвигается, и становится видна четкая граница между светлым небом и темным океаном. Небо все светлеет и светлеет, и вот появляются первые лучи солнца. Водная гладь, если океан спокоен, начинает искриться. Кажется, что солнечные лучи пронизывают не только небо, но и верхние слои воды. Солнце поднимается, и небо сразу меняет цвет с темно-голубого на бледный с песочным оттенком – цвет Аравийской пустыни. Океан вздыхает утренним бризом, обдувая прибрежную полосу пустыни свежим воздухом.

Три быстроходных катера дрейфовали в йеменских водах. Полтора десятка сомалийцев, вооруженных пистолетами и автоматами, лежали в суденышках и дремали. Лишь один наблюдатель с биноклем в руках стоял в полный рост. Короткий возглас наблюдателя поднял на ноги невысокого смуглого человека с крючкообразным носом. Приложив бинокль к глазам, тот тоже стал всматриваться в даль. Прозвучала команда крючконосого, и вооруженные люди зашевелились, протирая глаза и потягиваясь.

Шариф Туни, двадцатилетний сомалиец, находился в одном катере с главарем. Это был его третий выход на дело, но парень все еще волновался, как будто это происходило в первый раз. Юноша относился к своему пиратскому занятию с тайной гордостью. Он гордился своим старым застиранным камуфляжем, который был ему несколько маловат, и широкой повязкой через весь лоб, не дающей волосам спадать на глаза и задерживающей капельки пота в жару. Но больше всего Шариф гордился стареньким российским автоматом «АК-47» с выщербленным деревянным прикладом и пегим металлом ствола, потерявшим со временем часть воронения.

Шариф, любовно и старательно чистя свое оружие по вечерам, представлял себя храбрым и мужественным героем, собиравшим дань с проплывавших мимо кораблей для своего бедного и никому не нужного народа. Он чувствовал себя защитником людей, борцом за права и еще кем-то, но не мог понять кем, потому что чувства захлестывали его и мешали ему сформулировать свою жизненную позицию. То, чем он занимался, нравилось ему, он считал, что выполняет важную для своего народа работу.

К тому же пиратство было единственным ремеслом, которое позволяло местным рыбакам выбраться из нищеты. После падения режима Мохаммеда Сиада Баре в 1991 году сомалийское государство, как единое целое, фактически перестало существовать. Потом значительная часть страны оказалась под временным контролем Союза исламских судов (СИС). Вашингтон увидел в этом прямую опасность возникновения в Сомали режима, подобного режиму талибов в Афганистане. Поэтому США поддержали вторжение эфиопских войск, которые после разгрома отрядов исламистов остались в Сомали с согласия Переходного федерального правительства. Однако боевики СИС не сложили оружие, и партизанская война в стране приняла затяжной характер.

Шариф и главарь Али, по прозвищу Акула, пожалуй, единственные, из всей шайки полуграмотных рыбаков, кто понимал, что нынешнее сомалийское правительство, по сути, ничего не контролирует в стране, хотя и опирается на поддержку эфиопских войск. Сейчас страна представляла собой мозаику, собранную из отдельных племенных анклавов. Северные же кланы просто отделились, создав де-факто два государства – Сомалиленд (провинции Санаг,

Вокуй, Галбед, Тогдхеер) и Пунтленд (провинции Барии, Нугал и северная часть провинции Мудуг).

Серьезных попыток примирения противоборствующих группировок до сих пор не предпринималось. Правительственные структуры были бессильны изменить ситуацию. В высшем руководстве страны творилась неразбериха. Кабинет министров постоянно перетасовывался, но каких-либо изменений к лучшему от этого не происходило, поскольку вновь назначенные министры предпочитали отстаивать прежде всего интересы своих кланов. Пока в стране находились эфиопские войска, сила оставалась на стороне президента Абдулахи Юсуфа Ахмеда, но с их уходом ситуация грозила взорваться, и исламисты были готовы вновь дестабилизировать обстановку в стране. Сомали вновь было на грани очередного витка «войны всех против всех».

Шарифа эти мысли не особенно занимали. Он лишь хотел, чтобы не только он сам, но и простые люди из его родной деревни, в которой он вырос, не голодали. Когда Али отдал приказ заводить моторы, у Шарифа, как обычно, захватило дух. Сейчас они откроют огонь и принудят судно остановиться. Он вместе со своими товарищами поднимется на борт и покажет этим сытым европейцам, кто здесь главный.

Катера взрвели мощными моторами и рванулись вперед, охватывая турецкий сухогруз полукольцом. По отработанной схеме пираты сперва дали несколько автоматных очередей по ходовой рубке. Один из катеров зигзагообразно пару раз пересек курс корабля, давая понять, что требует остановиться. Судно послушно сбросило ход.

– Быстро к бортам, – покрикивал Али, – они уже подали сигнал бедствия! У нас всего полчаса на то, чтобы сделать дело и убраться.

Продолжая обстреливать судно, катера приблизились к борту сухогруза. Там матросы уже спускали пассажирский трап. Али первым бросился к трапу, заткнув за пояс свой пистолет. Через несколько минут пираты были на борту. Товарищи Шарифа стали сгонять моряков к борту, а молодой сомалиец вместе с главарем бросился в рубку. В дверях они столкнулись с испуганным турецким капитаном. Али, выхватив из-за пояса пистолет, ударил его в лицо рукояткой. Капитан пошатнулся, но устоял на ногах.

Шариф поморщился, но промолчал и бросился к аппаратуре. Первым делом он, как обычно, отключил связь, систему опознавания и слежения. Он, как наиболее грамотный из всей банды, был ответственен за техническую сторону дела. Сделав все, что положено, Шариф встал спиной к переборке, где была смонтирована вся электроника. Широко расставив ноги и угрожающе выставив перед собой автомат, парень казался самому себе крутым героем боевиков. Единственное, что не нравилось ему сейчас, – это излишняя жестокость их главара. Экипаж напуган и не оказывает никакого сопротивления, и просто так избивать безоружных людей было, по мнению Шарифа, совсем не обязательно. Отнять деньги и помочь сородичам – это благородно, а бить людей ради своего удовольствия – низко и подло!

Товарищи Шарифа уже обыскивали каюты моряков. Али сразу понял, что груз гранулированного полиэтилена не представляет большой коммерческой ценности. Перепродавать его – дело долгое и канительное. Да и выкуп за команду получить у турков, возможно, не удастся. А если и удастся, то переговоры, с хозяевами судна, скорее всего, затянутся надолго. Али не любил связываться с турками. Но ему не зря дали кличку Акула – главарь не гнушался ничем. Сейчас он выпотрошит судовую кассу и соберет из личных вещей команды все ценное, что можно будет продать. Все равно день не пропал даром. У Али были хорошие связи с перекупщиками.

Главарь поглядывал на часы. Времени оставалось совсем мало. Скоро на помощь судну может подойти сторожевой корабль йеменских ВМС. Наконец последний пират выбрался из трюма на палубу корабля. Узлы из наволочек и простыней стали спускать в катера. Али, приказав турецким морякам лечь на палубу лицом вниз, последним спустился в катер. Под вос-

торженные крики грабителей и стрельбу в воздух пираты на большой скорости двинулись на юго-запад.

– Эй, поберегите патроны! – крикнул Шариф. – Потом вам придется покупать их за свои деньги!

– Ты чего раскомандовался, Шариф? – осадил молодого человека Али. – Люди радуются добыче, у их семей появились деньги, чтобы купить еды, лекарств, починить рыбацкие лодки. Зачем ты мешаешь им радоваться? Или может быть, ты хочешь стать командиром вместо меня?

– Я не рвусь в командиры, Али! – возмутился Шариф, даже привстав с лавки от избытка чувств.

– Тогда зачем ты все время лезешь со своими советами? Твое дело выполнять то, что я приказываю. Или тебе что-то не нравится?

– Мне не нравится, что ты каждый раз избиваешь моряков, Али! – заносчиво воскликнул Шариф. – Зачем это, если они и так подчиняются тебе и отдают все, что ты требуешь?

– Замолчи, Шариф, – стал терять терпение Али, – я буду поступать с неверными так, как считаю нужным!

– Эти турки и их капитан, которого ты избил, такие же мусульмане, как и мы! – не унимался Шариф.

– Ты мусульманин? – удивился Али. – А ну-ка прочти мне хоть одну молитву...

– Да, я не молюсь, как вы все! – продолжал горячиться Шариф. – Я забыл, как это делается, за годы своих скитаний, но мои родители были правоверными. Может, я и вернусь к нашей вере, но не тебе меня учить и попрекать, Али. Ты молишься Аллаху, а сам нарушаешь его заповеди! Я подчиняюсь тебе, но не попрекай меня верой! – выкрикнул Шариф и отвернулся от главаря.

Али сопел и бешено тарашился на своего молодого товарища по ремеслу, но не стал больше ничего говорить, а только смачно сплюнул за борт и тоже отвернулся от Шарифа.

Несколько дней Али где-то пропал. Когда он вернулся и раздал своим пиратам вырученные от продажи награбленного добра деньги, в деревне начался праздник. Как и обычно в таких случаях, в деревне устроили массовые танцы с пением. Акомпанемент был простой – хлопки в ладоши, притопывание, стук деревянных дощечек. Шариф помнил, как в их деревне раньше на праздниках звучали бубны и барабаны. Помнил он и звуки, извлекаемые местными музыкантами из морских раковин. Обычно поводом для праздника в их деревне становилось любое мало-мальское событие: рождение сына, приплод верблюдицы, получение какого-то дохода.

Для празднования пираты сняли свой потрепанный камуфляж, в котором ходили на разбой, и оделись в привычные одежды. Мужчины обрядились в набедренные повязки и длинные накидки из белой, оранжевой или синей ткани местного производства. Наряды женщин представляли собой яркие куски ткани длиной 10—15 м, один из которых обертывался вокруг бедер, а другой вокруг груди.

В самый разгар веселья к Шарифу подошел старый рыбак – хромой Юсуф.

– Послушай меня Шариф, – прокричал старик, присаживаясь рядом с молодым человеком. – Я знал твоих отца и мать, ты играл на берегу вместе с моими внуками, пока злая судьба не забросила тебя далеко от дома. Видит Аллах, я скорбел о тебе не меньше других, а может быть, и больше.

Шариф удивленно посмотрел на старого рыбака, не понимая, к чему тот клонит. А старик только улыбался, глядя на танцующих женщин, и кивал.

– Я хочу предупредить тебя, мой мальчик, – продолжил Юсуф, – на тебя очень косо смотрят некоторые из твоих товарищей. А Али и вовсе ненавидит тебя.

– Зря беспокоишься, старик, – возразил Шариф с усмешкой. – Скоро все поймут, что за человек этот Али. Мы ведь не бандиты, а он ведет себя как настоящий бандит.

– Не горячись, Шариф, – грустно сказал Юсуф, – никто ничего не поймет. Пока удача на стороне Акулы, все будут за него горой, потому что он часть денег отдает рыбакам. Ты в глазах людей по сравнению с Али – никто. Ты молод и горяч, но ты ничего не умеешь такого, что может привлечь к тебе людей.

– Ничего старик, у людей есть глаза, – легкомысленно возразил Шариф, – придет время, и они увидят правду.

– Люди слепы, пока их желудок не просит есть. Но когда их желудок опустеет и некому будет его наполнить, тогда люди, как капризные женщины, начнут искать того, кто в этом виноват. Запомни это, мой мальчик.

Наутро Али снова повел свой отряд в море. Все время, пока катера шли к одному, только ему известному, месту, главарь хищно и таинственно улыбался, потирая руки и оскаливая зубы под нависшим крючковатым носом. На этот раз пираты даже не стали выходить из Аденского залива. В двухстах километрах севернее мыса Гвардафуй Али указал пальцем на корабль вдалеке и крикнул:

– Вот он!

Судя по всему, главарь пиратов заранее знал о судах, на которые они нападали. Шариф догадывался, что Али периодически откуда-то получает нужную ему информацию. Сухогруз под мальтийским флагом шел с востока, скорее всего из Бомбея. Пиратские катера, как волки на овцу, кинулись наперерез судну. Через тридцать минут, с изрешеченной пулями рубкой, оно застопорило ход. Когда Шариф лез на борт, он вспомнил о том, что ему говорил старый Юсуф. «Чудит старик, – подумал молодой человек, – Али по-прежнему берет меня в числе первых на борт захваченного судна. Это значит, что он меня ценит и верит мне». Шарифу было невдомек, что вся его ценность заключалась в элементарных технических знаниях. Если бы не эта нужда, то Али давно бы избавился от молодого настырного соратника. Но пока ему приходилось терпеть его.

Когда всю команду согнали на палубу и велели им лечь лицом вниз, капитан сухогруза отказался это сделать. Али некоторое время смотрел на моряка с изумлением, а затем принялся хохотать, хлопая при этом себя ладонями по коленям. Продолжая смеяться и делая вид, что вытирает выступившие от смеха слезы, главарь подошел к моряку. Неожиданный удар в солнечное сплетение согнул человека пополам. Али что есть силы пнул капитана ногой в лицо. Моряк рухнул на палубу. Али выхватил из-за пояса пистолет и дважды выстрелил в толпящихся у ограждения моряков. Послышались крики и стоны. Одному пуля попала в голову, второму в плечо.

– Всякий раз, когда кто-либо откажется выполнять мои команды, – закричал Али по-английски, – я буду убивать по два человека!

Моряки в ужасе застыли, не смея броситься на помощь своему капитану. Пират хмуро осмотрел толпу и потребовал выйти вперед первого и второго помощников капитана. Двое мужчин отделились от группы матросов и вышли вперед.

– Можете помочь вашему капитану, – с ухмылкой сказал Али, – поднимите его и спускайтесь в мой катер. Вы мои заложники! А вы, – пират повернулся к остальным морякам, – передайте своим хозяевам, чтобы ждали моих требований. Я их скоро объявлю. Если требования не будут выполнены, то я убью заложников!

Шариф стоял пораженный. Он больше не упивался своим превосходством над пленными. Он переводил взгляд с окровавленного лица капитана на убитого моряка и обратно. Такое случилось впервые. Али еще никогда не брал заложников и не убивал моряков за то время, что Шариф был в его отряде. Молодого сомалийца начинало трясти. Он понял, что Али был гораздо более страшным человеком, чем Шариф себе это представлял. А он так смело спорил с ним и повышал на него голос... Теперь молодой человек понял, что Али мог убить его в любую минуту и никто бы за него не заступился.

Пока капитан и два его помощника спускались в лодки, кто-то из команды порвал на себе рубашку и стал перевязывать раненого. Лицо убитого накрыли носовым платком, который тут же пропитался кровью. Шариф был так потрясен произошедшим, что не видел тех взглядов, которые бросал на него второй помощник капитана.

– Шурик, это ты? – неожиданно позвал кто-то по-русски из толпы моряков.

Шариф вздрогнул, как будто его ударило током. Почему-то ему не хотелось поднимать глаза на того, кто его позвал.

– Шурик! – позвали уже громче. – Шарифчик, не узнаешь?

Шариф медленно поднял глаза. Он сразу узнал коренастую фигуру боцмана Матвейча. Их глаза встретились.

– Значит, узнал, собачий сын, – тихо проговорил русский, не обращая внимания, как остальные моряки зашикали на него, – вырос, значит. И честное морское ремесло тебе наскучило? Разбоем решил заняться? Много ли скопил на чужой крови, сынок?

Шариф опустил глаза и хмуро пошел к трапу, по которому пираты уже спускались в свои катера. Хорошо, что никто не услышал и не понял того, что сейчас произошло, думал молодой человек.

Отцу было уже за шестьдесят. Шариф жил с ним вдвоем в рыбацкой деревушке и уже год помогал ему выходить в море. Мать умерла, когда мальчику едва исполнилось три года, и он помнил ее очень плохо. Однажды ночью шторм застал Шарифа с отцом в море. Они вполне успели бы добраться до берега до того, как стихия начнет вздымать огромные водяные валы и обрушивать их вниз с многометровой высоты, если бы их рыбацкая лодка не была такой старой. Отец правил к берегу и подмигивал четырнадцатилетнему сыну, чтобы тот не боялся надвигающейся непогоды. Но мачта неожиданно треснула, и полный ветра парус сорвал ее с суденышка. Шариф услышал только вскрик отца, а потом все вокруг завертелось. Удар о борт – и волна накрыла мальчика с головой. Когда он вынырнул на поверхность, то увидел, что среди волн мелькнула днищем перевернутая лодка и кусок намокшего паруса.

Что-то ударило Шарифа под локоть. Рядом проплыла деревянная скамейка с их лодки, сделанная из двух коротких толстых досок. Мальчик ухватился за скамейку и стал звать отца, но из-за шума шторма он не слышал даже собственного голоса. Шариф заплакал от страха, оставшись один в этом бушующем море. Он очень боялся, и это помогло ему не утонуть. Он видел, как приближалась очередная огромная волна, готовая обрушиться на него, набирал полную грудь воздуха и крепче вцеплялся в скамейку. Он понимал, что самое страшное – это потерять свой спасительный кусок дерева. Оглушенный, наглотавшийся воды, он снова оказывался на поверхности. Его поднимало на волне и швыряло в черную бездну, а сверху надвигался очередной вал.

Шарифу казалось, что временами он теряет сознание, но доску из рук не выпускал. Когда Шариф окончательно пришел в себя, шторм почти совсем утих. Осмотревшись, мальчик понял, что его унесло далеко от берега. Где-то вдали у самого горизонта что-то темнело. Или туча, или вершина горы Эригабо. Может быть, это был вообще аравийский берег. Шариф держался затекшими посиневшими пальцами за доску и тихо плакал.

Он не знал, сколько он так проплавал, потому что потерял счет времени. Иногда Шарифу казалось, что он уже умер, что видит свое мертвое тело, качающееся на волнах, с высоты. Мальчик не испытал радости и облегчения даже тогда, когда крепкие мужские руки вытащили его из воды. Морякам стоило больших усилий разжать сведенные судорогой пальцы, чтобы вытащить из них обломок доски. Шариф был как в тумане, который становился то плотным как молоко – и тогда он слышал только шум волн, – то рассеивался, и он равнодушно смотрел на склонившиеся над ним лица незнакомых людей.

Только через несколько дней Шариф стал различать лица. Вот это широкое обветренное лицо с густыми прокуренными усами появлялось чаще других. Голос этого человека был добрым и ласковым, а его руки теплыми. Лишь спустя много месяцев, когда Шариф научился понимать русский язык, он узнал все подробности своего спасения. Вахтенный чудом заметил маленькое тело в воде. Когда мальчика подняли на борт и убедились, что других людей нигде не видно, судно опять легло на прежний курс. Капитан очень спешил и не мог позволить себе такую вольность, как докладывать береговым службам Сомали или Йемена о подобранном мальчишке. Опоздание грозило такими дикими штрафами судовладельцу, а мальчишка был так плох, что было принято решение двигаться дальше.

Шариф выжил и поправился. Судно вернулось в Находку, и моряки стали думать о том, как быть с мальчиком дальше. Шариф тогда рассказал, что никого из родных у него нет, возвращаться ему некуда и что на родине он умрет с голода. Боцман Матвейч, который проводил с мальчиком больше времени, чем другие, предлагал даже усыновить его. Но Матвейч был одиноким человеком, который большую часть жизни проводил в море. Да и у мальчишки не было документов, чтобы все оформить, как положено. Тогда капитан и решил определить Шурика – так моряки прозвали Шарифа – в детский дом.

– Ты чего такой хмурый? – весело спросил Али Шарифа, когда катера пиратов уже неслись к берегу. – Улыбайся, скоро у нас будет очень много денег. Может, ты захочешь даже жениться, а?

– Зачем ты застрелил моряка? – злобно спросил Шариф, проигнорировав вопрос главяря. – Чем он помешал тебе?

– Ты никогда не поймешь, Шариф! – весело захохотал главярь, который, казалось, ничуть не рассердился на своего подчиненного. – Они должны знать, что я могу убить любого из них так же легко, как отрубить голову курице. Когда у них будет страх, тогда будет и повиновение. Из страха люди становятся послушными и готовы платить большие деньги. – Неожиданно лицо Али стало злым, а голос сделался резким и угрожающим. – А ты, кажется, не боишься меня, Шариф?

Шариф стиснул зубы и отвернулся. В спину ему снова раздался довольный хохот Али:

– Не бойся! Сегодня я добрый. Сегодня я встретился с большой удачей. У этого корабля очень богатый хозяин, он охотно поделится долларами со мной и моими головорезами.

Глава 2

Заложников высадили на берег километрах в пяти от рыбацкой деревни. Недалеко от берега стоял заброшенный саманный сарай пастухов. Моряков завели внутрь и подперли дверь чурбаком. Али, разделив заложников по двое, велел караулить их, а сам отправился в город.

Шариф сидел на берегу и, жуя сухую травинку, смотрел на море. Противоречивые чувства одолевали молодого человека. С одной стороны, он понимал, что Али был в чем-то прав. Шариф вовсе не оправдывал его жестокость – юношу коробило от воспоминаний бессмысленного убийства, совершенного на борту захваченного корабля. Но Шариф прекрасно осознавал, что он и его товарищи, занявшись пиратством, по сути, объявили войну всему миру. А на войне, как известно, свои законы. Однако почему-то Шариф никак не мог успокоиться. Может быть, дело было в том, что к русским Шариф не мог относиться так же равнодушно, как к людям других национальностей?

У русских, как и у других народов, тоже были бедные и богатые. В их стране тоже были люди, которые пользовались всеми благами. А были и такие, кто зарабатывал себе на кусок хлеба тяжелым трудом. Али будет требовать выкуп с богатых хозяев этого судна, а не с бедных моряков. Но сегодня пострадали именно простые моряки. Но с другой стороны, если начать жалеть всех вокруг, думал Шариф, то никогда ничего и не заработаешь. Это все потому, что благ на всех не хватает. И если будешь распускать нюни, то останешься с пустыми карманами. Эти моряки имеют работу и получают зарплату от своего хозяина. Они могут обеспечить свои семьи, а бедные сомалийские рыбаки ничего и не от кого не получают. Они никому не нужны, даже своему правительству. Такую несправедливость, думал про себя Шариф, необходимо исправить. И эти моряки вовсе ничем не лучше других и так же обязаны платить им, как и все остальные.

Где-то глубоко в душе Шарифа шевелился маленький червячок сомнения, который не давал ему покоя. А обязаны ли эти моряки расплачиваться за их бедственное положение? Обязаны ли они страдать из-за того, что простые сомалийцы голодают? Шариф потряс головой, пытаясь отогнать эти мысли. Но убедить себя в полной своей правоте, правоте того дела, которым он занимался, не удавалось. «Это все оттого, что русские спасли мне жизнь», – решил молодой человек. – Благородство должно существовать даже на войне. Если я буду вести себя так, как ведет Али, то перестану уважать себя. Я должен стать благородным разбойником». Шариф часто вспоминал книжку, которую он читал еще там, в России, про английского разбойника Робина Гуда. Вот кого будут уважать соплеменники, вот кого будет любить народ.

Шариф еще долго сидел на берегу. Он пытался отогнать от себя мысли о русских и начать думать о своем будущем. Хорошо бы накопить достаточно денег и построить большой каменный дом. Он бы женился, завел какое-нибудь дело, чтобы рыбаки из его деревни могли наниматься к нему на работу и получать зарплату. Что это будет за дело, он еще не придумал, но обязательно придумает. Шариф был бы добрым и честным хозяином. Он набрал бы себе в команду молодых, храбрых единомышленников, которые собирали бы дань с проходящих мимо их берега судов за то, что они загрязняют прибрежную воду.

Как изменилось все вокруг, думал Шариф, вспоминая свое детство, – в то время, когда еще был жив его отец. По этому побережью тогда бродили стада. Пастухи были частыми гостями у рыбаков. Шариф знал, что когда-то большая часть населения Сомали занималась скотоводством. Главная ценность для скотовода-кочевника – верблюды. В Сомали верблюд – это символ богатства. Сомалиец, имеющий десяток верблюдов, по сотне коз и овец, считался зажиточным. Но «по-настоящему» богатые сомалийцы имели от 100 до 1000 верблюдов.

Кочевники жили во временных поселениях, возводя разборные жилища типа юрт из верблюжьих шкур, так называемые акалы, высотой 1,5—2 м и диаметром 3—5 м. Вокруг этих

жилищ они сооружали ограды из кактусов и колючей акации, делая таким образом загон для скота. Сейчас скотоводством в Сомали практически никто не занимается. Шариф знал, что после страшной засухи 70-х годов погибла большая часть поголовья скота. Теперь по саванне гулял только ветер, поднимая рыжеватую пыль.

Приближались сумерки. Пора было идти заступать на дежурство. Этой ночью Шариф должен караулить заложников. Идти не хотелось, Шарифа коробило от одной только мысли, что ему придется заниматься этим, казалось бы, простым делом – сидеть и караулить заложников.

Шариф вернулся в деревню. Взяв свой автомат в доме старого Юсуфа, у которого он жил все это время, парень отправился с одним из пиратов менять сторожей. Всю дорогу, пока они шли к заброшенному пастушьему сараю, напарник, не умолкая, болтал о том, как он купит новые сети и лодку, когда получит свою долю за заложников. Еще он расхваливал их главаря за его предприимчивость и храбрость. Шариф шел молча и глядел себе под ноги.

– Зря ты, Шариф, все время споришь с Али, – наконец сменил тему напарник, – эти европейцы должны нас бояться. Иначе они не будут платить выкуп.

– Что-то я не видел, чтобы ты сам кого-нибудь ударил или убил, – угрюмо заметил Шариф.

– А зачем? – весело ответил сомалиец. – На это есть Али. Он у нас везучий, потому что умный. А как обращаться с захваченными моряками, решать ему, раз он нас всех кормит. Сегодня он опять ушел в море. Вот увидишь, что без добычи не вернется!

Когда сменившаяся пара охранников ушла в деревню, Шариф со своим напарником развели недалеко от сарая костер, и некоторое время сидели молча, подбрасывая в огонь сухие ветки. Наконец напарник предложил:

– Давай я посплю, а посреди ночи ты меня разбудишь. Чего нам вдвоем здесь торчать.

Шариф, не поднимая глаз, пожал плечами. Его напарник поднялся с земли, взял свернутое шерстяное одеяло. Рядом на земле валялись несколько старых досок. Соорудив из этих досок лежак, сомалиец улегся на них, и завернулся в одеяло с головой. Через некоторое время он уже похрапывал.

Шариф долго сидел один у костра. Моряки в сарае не спали. Молодой человек слышал, как они тихо о чем-то разговаривали. Он поднялся и пошел к сараю. Убрав чурбак, подпиравший дверь, Шариф вошел внутрь. Через дырки в стене и крыше пробивался лунный свет, освещая утоптаный пол сарая и три человеческие фигуры, лежавшие на старых матрасах.

Когда он вошел, моряки замолчали и повернули головы в его сторону. Пират постоял в дверях, затем опустился на землю у входа и прислонился спиной к стене.

– Вы из какого города? – спросил Шариф по-русски.

– А ты изменился, Шурик, – раздался спокойный голос из темноты, – вырос, возмужал.

– Ты меня знаешь? – угрюмо спросил Шариф. – Ты кто?

– Михаил Васильевич меня зовут, – ответил голос, – я был помощником капитана на том судне, команда которого тебя спасла несколько лет назад.

Моряк поднялся, подошел и сел напротив Шарифа на землю. Теперь при лунном свете, молодой человек узнал это лицо.

– Теперь вспомнил.

– А Александра Кузьмича, капитана нашего, не забыл? – спросил моряк.

– Дядю Сашу?

– Умер дядя Саша. Инфаркт с ним приключился. До больницы не довели. А он тебя часто вспоминал. Все мечтал увидеться с тобой. Вот радости-то было, если бы Александр Кузьмич у нас сейчас капитаном шел, правда, Шурик? – с грустной иронией в голосе спросил моряк.

Хотя Шариф и знал русский язык хорошо, прожив несколько лет в России, но откровенной издевки он не уловил. А дядю Сашу, который занимался устройством судьбы Шарифа в

России, было, конечно, жаль. Очень Шариф уважал старого капитана. Не найдя, что ответить, сомалиец сказал, как бы размышляя в слух:

– Матвеича на палубе видел. Он тоже с вами плавает?

– Плавает. Развалилась команда, когда наше корыто списали на металлолом. Ну, а ты как поживаешь, Шурик?

– Так вот, – ответил Шариф, неопределенно мотнув головой.

– Пиратствуешь?

– Да, – ответил Шариф односложно, остро чувствуя неприязнь со стороны русского моряка. Ему было от этого больно и хотелось кричать.

– Как же тебя занесло на эти галеры? Раньше вроде за тобой склонность к воровству не замечалась.

– Воровству? – повысил голос Шариф, но спохватился, понимая, что может разбудить напарника. – Воровство – это когда крадут то, что плохо лежит. А мы не воры. Мы честно в бою забираем то, что нам нужно.

– Честно? – сухо рассмеялся моряк. – Ударить совершенно постороннего человека в морду, наставить автомат и отнять то, что тебе не принадлежит? Это, конечно, честно! Это, Шурик, бандитизм. Это посягательство на чужую собственность. А как быть с посягательством на чужую жизнь и свободу?

– Вас взяли в плен в бою...

– Какой бой! Напасть на безоружных людей – это бой? Отнять деньги и жизни у тех, кто не может оказать тебе сопротивление, – это разве благородное дело?

– Ты все неправильно понимаешь, – возразил Шариф, – потому что не жил нашей жизнью. Почему одни люди должны жить в сытости, а другие голодать? Почему никому из вас нет дела до голодающих сомалийских рыбаков? Почему вы все можете спокойно жить, когда в мире столько бедствующих людей, которые умирают от болезней и голода?

– Господи, о чем ты говоришь, Шариф! – возмутился моряк. – Весь мир виноват в том, что творится в твоём государстве? А ты сам что сделал, чтобы изменить положение в своей стране. Я смотрю, тебе нравится бряцать оружием? Так возьми его и борись со своим правительством, из-за которого вы голодаете!

– Ты знаешь, сколько у нас длится гражданская война и всякие междоусобицы. И к чему все это привело? Ну соберу я единомышленников, ну встану против правительства – все равно все закончится дележкой власти и новыми междоусобицами. Нет уж! Я хочу помочь только своей деревне, и помогаю, как умею.

– Учиться тебе надо было, – устало сказал русский, – тогда, может быть, и понял бы, что к чему. А ты сбежал. Легких путей все ищешь.

– Сбежал? – переспросил Шариф со злостью. – А кому я там, у вас, был нужен? Так же как и здесь – никому. Пока дядя Саша мне помогал, все было еще терпимо, а как он ушел в море...

Шариф замолчал, только махнув с ожесточением рукой.

– Ясно, – подытожил русский, – всеми и на всех обиженный. Помнишь, как у нас говорят – на обиженных воду возят.

– Никто на мне не будет воду возить, – отрезал Шариф, – я сам буду на всех воду возить. И жить буду своей головой.

От возмущения и избытка чувств Шариф окончательно запутался в своих мыслях и не смог четко сформулировать то, что хотел сказать. Эти люди ведь совсем не знают, с чем он столкнулся, вернувшись из России. Многие сомалийские пираты не считают себя бандитами. И когда-то они действительно таковыми не были. После падения сомалийского правительства в 1991 году соседние страны начали незаконный лов рыбы в территориальных водах Сомали. Первыми пиратами стали просто разгневанные рыбаки, которые захватывали иностранные суда и требовали «пошлину» за незаконный лов рыбы. Но поскольку незаконный лов продол-

жался, первые пираты объединились и провозгласили себя «береговой охраной». Они утверждали, что всего-навсего заботятся о территориальной целостности Сомали и будут это делать до тех пор, пока в стране не появится настоящее правительство.

Другие рыбаки начали грабить суда ООН, доставлявшие продовольствие в сомалийские лагеря беженцев. Они оправдывали это тем, что, если они не заберут продовольствие, его захватят полевые командиры. В их заявлениях была своя правда. Полевые командиры в 1990-е годы захватывали значительную часть гуманитарной помощи, поступавшей в Сомали.

Шариф не знал всех этих подробностей, не знал всей истории зарождения сомалийского пиратства. Но то, что он видел сейчас своими глазами, что ему рассказывали его земляки, убеждало Шарифа в правильности его выбора.

Некоторое время и Михаил Васильевич, и Шариф молчали. Другие моряки в глубине сарая за все это время не проронили ни слова, жадно прислушиваясь к разговору. Шариф прервал молчание первым.

– Вам нужно уходить отсюда, – неожиданно заявил он, – вы спасли когда-то мне жизнь, теперь я спасу ваши.

– А как же ты? Пойдем с нами!

– Нет. Я сказал уже, что сам выбрал свой путь и не сверну с него. Возьмите вон ту проволоку на полу и свяжите мне руки, чтобы все подумали, что вы на меня напали. Потом пойдете на юг. Там на шоссе попробуйте остановить машину. Вот вам деньги, – Шариф достал из кармана и протянул моряку несколько двадцатидолларовых купюр, – доберетесь до города – там ищите европейцев. Нашим не доверяйте.

– Что ж, и на том спасибо, Шурик.

– Пожалуйста, – угрюмо ответил Шариф.

Когда солнце поднялось над морем, все, кто остался в живых после неудачного последнего рейда, собрались около ариш Али – прямоугольной саманной хижины, крытой пальмовыми листьями. Это была единственная большая хижина в деревне. Она заметно выделялась среди других строений. Оседлые сомалийцы – земледельцы и рыбаки – строят в своих деревнях хижины цилиндрической формы, так называемые мундулло.

Жена Акулы выла в хижине, но никто не шел ее успокаивать. Горе было не только у нее. Этим утром пираты нарвались на французское судно, на борту которого оказались морские пехотинцы. Они открыли ответный огонь по пиратам. Отряд пиратов в это утро недосчитался троих бойцов, включая самого главаря.

Шариф со своим напарником, с которым он этой ночью охранял русских моряков, сидели в стороне и не участвовали в разговоре. Молодой пират был удручен ночным разговором с русскими, а его напарник считал себя виноватым в том, что уснул этой ночью. Весть о том, что заложники бежали, не произвела ни на кого большого впечатления. Скорее всего, пираты были даже рады, что избавились от этой обузы. Кроме Али, никто не знал, что с ними делать. Россия могла обратиться за помощью к местным властям. У Али везде были связи, а без него никто не решился бы разговаривать с полицией или военными, нагрянь они в деревню.

Рыбаки сидели и рассуждали о том, как жить дальше. Многие привыкли к доходам от грабежей. Опять начинать жить только рыбной ловлей не хотелось. Все разговоры сводились лишь к тому, что теперь всем будет плохо. Никто из присутствующих даже не пытался выдвинуть какое-нибудь дельное предложение. Первым не выдержал старый Юсуф.

– Вы мужчины или плаксивые женщины? – спросил он, глядя на понурых пиратов. – Что вы стонете и причитаете? Нужно выбрать нового вожака, который смог бы повести за собой всех остальных. Если среди вас такового нет, тогда идите на восток и примкните к другой группе, у которой он есть.

– Что ты говоришь, Юсуф, – хмуро возразил один из пиратов, – кому нужны лишние рты? Они там легко без нас справляются.

– А может, с нами они смогут проверить более крупные дела? – оживился другой пират – молодой сомалиец. – Может, у них там бойцов не хватает?

– Крупные дела – крупный риск, – возразил еще один пират, отец пятерых детей. – Они нас на войну поведут, да еще вперед своих пошлют. Чего им нас жалеть? Нет уж, сидеть надо на своем берегу. Хорошо это или плохо.

– Может быть, Али говорил, с кем у него в городе были завязки? – не унимался Юсуф. – Кто у него добычу покупал. Через кого он хотел выкуп просить за тех моряков, что в сарае сидели.

Шариф, ковыряя прутиком у себя под ногами, слушал все эти разговоры, и в душе у него закипало раздражение. Какие все были героями, пока был жив Али! А теперь поджали хвосты, как побитые испуганные собаки. Ни на что не способные людишки! Теперь у него из-за этих трусов рушились все мечты о благосостоянии. Чего они испугались, что тут такого трудного?

– Выберите меня своим вожаком, – неожиданно предложил Шариф.

– Э-э, парень, – загалдели пираты, – ты все время ссорился с нашим Али. Был Али, и мы были сыты, и семьи наши тоже. А ты станешь делать не так, как он. Значит, удачи нам не будет. Да, и молод ты еще, чтобы вести за собой мужчин!

– А кто из вас может вести за собой мужчин? – воскликнул Шариф, поднимаясь во весь рост. – Что вы тут все причитаєте? Большое дело – узнать, через кого Али сбывал добычу! Пойду в город и найду этих людей. Не найду в городе, обращусь к нашим соседям на востоке. Сбывают свое – сбудут и наше.

– Эх, какой быстрый! – слышались голоса. – Ждут там тебя. Увидят, что пришел молодой да неопытный, обязательно обманут, а то и вовсе все заберут!

– Да молодой, зато не трус, как некоторые! – заорал Шариф. – Тогда выбирайте себе другого вожака, но не сидите как курицы на песке. Али не родился пиратом, он им стал – стал вашим вожаком. Неужели никто из вас не способен возглавить это дело? Почему вы всего боитесь?

– Ты на нас не кричи, парень, – стали возмущаться пираты, – молод еще упрекать нас!

– Не упрекать? – крикнул Шариф и от возмущения даже хлопнул себя ладонями по бедрам. – Да вы с вашим Али занимались всякой мелочью и ерундой. Про какие его связи вы говорите? Он же крохи собирал. Единственный раз взял заложников, чтобы потребовать выкуп! Не было у него никаких посредников в этих делах. Это же яснее ясного! Так что же вы теряете? А я предлагаю вам крупными делами заняться.

Пираты притихли от такого напора молодого человека и смотрели на него с вытаращенными глазами. Ответил только один – одноглазый Фарах, который занимался разбоем дольше других и поэтому был самым опытным.

– А с чем ты предлагаешь идти на крупные дела, Шариф? – спросил пират. – У нас осталось всего две лодки, одна из которых вся пробита пулями. Половину автоматов утопили, когда спасались сегодня утром. С чем ты пойдешь?

Воцарилось гробовое молчание. Было слышно лишь, как плещется море да постукивают бортами рыбацкие лодки на прибрежной волне. Ответа на это замечание не было ни у кого. Пираты стали подниматься и разбредаться по деревне, переговариваясь вполголоса между собой. К Шарифу подошел Юсуф и положил ему руку на плечо.

– Хорошо говорил, горячо говорил, но люди в тебя не верят. Надо думать, а пока думаешь – помоги мне отвезти рыбу в город на базар.

– Хорошо, старик, – ответил со вздохом Шариф.

Глава 3

Оставив старика продавать рыбу, Шариф побрел через базар, глядя себе под ноги. По молодости лет ему казалось, что придумать что-нибудь стоящее не составит труда. Надо просто начать думать, и решение придет само собой. Но оно не приходило. Ни через час, ни через два. Он толкался в толпе покупателей, разносчиков и прочих людей, которые пришли на базар не столько купить что-нибудь, сколько пообщаться, обсудить последние новости. Несколько раз Шариф видел рыбаков из своей деревни, которые, энергично жестикулируя, беседовали с незнакомыми людьми.

Устав от базарного шума и суеты, Шариф двинулся в сторону маленького ресторанчика. На душе у него было пусто и тоскливо. Дымящийся ароматный кофе в его чашке несколько скрасил тоскливое настроение. Прихлебывая напиток, Шариф поглядывал на повара, который готовил ему цыпленка. Маленький и сухощавый повар с морщинистым смуглым лицом работал быстро. Чем-то он напоминал волшебника из старинных сказок. В его руках буквально все летало. Несколькими движениями повар выпотрошил тушку и, промыв ее в воде, отправил готовиться в жарочный шкаф. Пока тушка жарилась, повар положил в кастрюлю поджаренный и растертый в ступке арахис. Залив его водой, он поставил кастрюлю на огонь и стал помешивать, пока не получилась густая каша. Не дав цыпленку дожариться, повар выхватил его из жарочного шкафа и оставил остывать. Минут через пять немного остывшего цыпленка повар быстро порезал на кусочки, посыпал черным молотым перцем, посолил, обмакнул в кашу из арахиса и бросил обжариваться в арахисовом масле. Запах стал шекотать ноздри Шарифа, и он понял, что очень хочет есть.

Шариф не был слишком религиозен. Подавляющее большинство сомалийцев категорически не употребляют в пищу рыбу и птицу, а также яйца – эти продукты считаются в Сомали «нечистыми». Основная пища кочевников-скотоводов – верблюжье молоко (свежее и кислое), овечий и козий сыр, иногда мясо и каши. Оседлые сомалийцы питаются в основном кашами, лепешками и иногда молоком. Побывав в России, Шариф привык к более разнообразной пище и смотрел на строгости традиционной сомалийской кухни с некоторой иронией. Да, и в сомалийских городах уже не так строго соблюдали эти религиозные традиции.

Когда, поев, Шариф решил уходить, в дверях ресторанчика появился Юсуф. Рядом со стариком молодой человек увидел двоих незнакомцев в городской одежде и традиционных сандалиях «дас». Юсуф показал мужчинам на Шарифа и помахал ему рукой, давая понять, что эти люди хотят с ним поговорить.

– Говорят, что вашу деревню постигло несчастье, – сказал после традиционных приветствий один из незнакомцев, назвавшийся Ахмадом, – мы знали достойного Али. Это большая потеря.

Шариф покивал, но не нашелся, что ответить. Все и так было очевидно, а молодой человек был не в том настроении, чтобы поддерживать вежливые и бестолковые беседы. Но он очень ошибся, считая, что этот разговор лишь дань вежливости.

– Ваш отряд, Шариф, не был самым большим на побережье, – сказал второй мужчина высокого роста, который назвался Халидом, – но он кормил вашу деревню. Теперь опять у вас не будет достатка.

– Что делать, просто Али не повезло в этот раз, – ответил, наконец, Шариф.

– Да, не повезло, – согласился Халид, – это очень опасное занятие. Чтобы этим заниматься, нужна храбрость и ум.

– Мы ведь знали Акулу Али, – добавил Ахмад, – хорошо знали.

– Он имел с вами какие-то дела? – оживился Шариф.

Реакция молодого сомалийца не укрылась от собеседников, и они много значительно переглянулись.

– Али никогда не слушал наших советов, – вместо ответа на вопрос заявил Ахмад, – а то, что случилось, должно было случиться рано или поздно. Что думают ваши рыбаки, как они собираются жить дальше?

Незнакомцы говорили очень вежливо, в их голосах чувствовалось участие. Шариф вдруг почувствовал к ним доверие. Если они знали Али, если имели с ним какие-то дела, тогда, может быть, стоит поговорить с ними более откровенно. Возможно, они и захотят помочь рыбакам.

– Рыбаки не знают, что им делать, – вспомнив недавний разговор в деревне, хмуро сказал Шариф. – Они слишком верили Али и надеялись только на него. Теперь они лишились предводителя и совсем растерялись. Без Али они как без рук.

– Нет, Шариф, – возразил Халид, – не без рук. Без головы они остались, без головы. В таком деле нужен мудрый и предприимчивый вожак, который способен повести всех за собой.

– Они так и не решились выбрать нового, – ответил Шариф, – много спорили, много рассуждали, но так ничего и не придумали. Нет в деревне такого человека, которому бы рыбаки верили так, как верили Али.

– А ты не думал, что Али не сразу стал главарем отряда? – спросил Халид, пристально глядя Шарифу в глаза. – Когда-то и он был обычным рыбаком. Когда-то и ему не верили. Но пришло время, и он сумел доказать свою состоятельность.

– Я уже думал об этом, – согласился Шариф, – и пытался убедить людей выбрать меня своим предводителем.

– И что же они?

– Они сказали, что я еще слишком молод. Сказали, что меня легко обмануть.

– Наивные люди! – со смехом сказал Халид. – Кто же будет обманывать, если дело взаимовыгодно. На тебя все молиться будут, когда ты придешь и предложишь купить товар. Ведь тот, кто его купит, сам потом продаст и получит за это деньги. Разве можно отказываться от такого, отказываться от денег, обманывать человека, который их тебе фактически принес? Нет, это очень наивно с их стороны – подозревать такое. Они просто ничего в этом не смыслят.

– Я тоже так подумал, но не смог их переубедить, – ответил Шариф, стиснув от возмущения кулаки.

– Я думаю, что переубедить твоих земляков можно только делами, – назидательно заметил Ахмад. – Когда они поймут, что ты способен на многое, они поверят тебе.

До Шарифа наконец дошло, что эти двое намекают на то, чтобы он стал главарем банды. Он и не заметил, как разговор о положении рыбаков его деревни плавно перешел на обсуждение его – Шарифа – персоны. Он удивленно посмотрел на своих новых знакомых, переводя взгляд с одного на другого.

– Поверят мне? – переспросил Шариф. – Вы говорите обо мне?

– А о ком же еще? – удивился Халид и похлопал Шарифа по руке. – Они все слишком наивны, привыкли делать то, что им скажут. Ты единственный из них, кто повидал свет, в ком есть предприимчивость, энергия, ум. Твоя молодость, Шариф, это не недостаток, а преимущество.

Шариф сидел несколько ошарашенный. Он никак не думал, что помощь придет так неожиданно. «Ах ты, старый Юсуф, – подумал сомалиец с укоризной. Где ты нашел этих двоих? Ты ведь знал, старый хитрец, с кем Али вел дела. Знал, но промолчал тогда на берегу, когда собралась вся деревня после гибели вожака. Значит, все-таки решил мне помочь? Значит, все же кто-то в меня верит, и не все так безнадежно, как казалось несколько часов назад».

Одного не знал Шариф. Он не знал, что старый Юсуф здесь ни при чем и ничего о делах Али старик тоже не знал. Слух о гибели Акулы быстро распространился по базару. Все собы-

тия здесь обсуждались громко и горячо, как и всегда на восточных базарах. Не узнать о происшествии мог только безнадежно глухой.

Неожиданно Шариф снова поник головой. Весь разговор показался ему лишь голой теорией, призванной утешить его. Хорошие слова говорят Халид и Ахмад, но это лишь пустые слова.

– К сожалению, одной молодости здесь мало, – сказал Шариф, – кроме нее, нужны лодки, оружие, патроны.

– Это все мелочи, дорогой Шариф, – сказал Халид и снова похлопал молодого человека по руке, – это все не главное.

– Как не главное? – удивился Шариф. – Как же без всего этого обойтись?

– Никто и не говорит, что без этого можно обойтись, – возразил Ахмад, – с этим мы тебе поможем. Главное, что нужно иметь, – это голова, а она у тебя есть. Вот поэтому мы к тебе и пришли.

– Вы хотите помочь мне оружием? Вы верите, что я смогу возглавить отряд из своих соплеменников?

– Конечно! – ответил Ахмад, и они с Халидом переглянулись.

Шариф помолчал задумчиво. От напряжения и волнения на его лбу выступили бисеринки пота. Ему верилось и не верилось, что наконец улыбнулась удача. Что он наконец приблизился к исполнению своей заветной мечты. При такой постановке вопроса все остальное показалось Шарифу легко выполнимым. Радость и гордость, что его заметили незнакомые люди, поверили в него, переполняла молодого сомалийца так, что ему стало трудно дышать. Сердце бешено колотилось в груди.

– И вы дадите мне необходимое оружие и лодки? – хриплым от волнения голосом спросил Шариф своих собеседников.

– Мы дадим тебе деньги, дорогой Шариф, и подскажем, где можно достать все необходимое. А дальше все зависит только от тебя.

– Но почему вы хотите мне помочь? – наконец задал Шариф вопрос, который не давал ему покоя все это время, пока они беседовали.

– Потому что нас заботит судьба простого народа, который голодает и испытывает нужду. Потому что нам в свое время точно так же помогли добрые люди. И к тому же это не бескорыстная помощь. Мы одолжим тебе денег. Ты их вернешь, когда заработаешь. Если бы мы не верили в это, то какой мог бы быть разговор?

– И когда я их должен вернуть? – с беспокойством спросил Шариф, начиная понимать, что все не так просто, как ему показалось сначала.

– Мы думаем, что можешь возвращать частями, по мере того, как начнешь зарабатывать их. Ничего страшного: один хороший захват – и ты сможешь вернуть сразу все. Не получится сразу – то за два, три раза вернешь свободно. Мы поможем тебе с продажей захваченного или с требованиями выкупа. Но наш тебе совет: не спеши брать заложников. Дело это хлопотное и непростое. Надо хорошо знать, какие суда брать, кто его хозяева, как они ведут себя в таких случаях. Но это все придет к тебе с опытом, не переживай.

– Да-да, конечно! – согласился Шариф. – Я должен подумать, поговорить с людьми. Если со мной никто не пойдет, то нет смысла и покупать оружие.

– Вот видишь, Халид, – обратился Ахмад к своему товарищу, – я же говорил, что у этого юноши рассудительности и мудрости гораздо больше, чем у некоторых стариков. Он нас не подведет.

– Конечно, поговори, – согласился Халид, предварительно кивнув Ахмаду, – узнай, сколько человек с тобой пойдет. Посчитай, сколько и какого оружия тебе нужно. Мы скажем, к кому можно обратиться от нашего имени. Когда узнаешь, какая сумма тебе нужна, тогда и поговорим. Хорошо?

Шариф согласился с этим мудрым решением, хотя его подмывало сразу назвать сумму и броситься покупать все необходимое. Когда его собеседники попрощались и покинули ресторанчик, Шариф остался сидеть, размышляя о своих планах. Никогда он еще не был так близок к исполнению своей мечты, как сейчас. Поистине счастливый день! Юноша не видел, как Ахмад и Халид, выйдя из ресторанчика, двинулись в сторону от базара. Они побродили минут тридцать по городу, потом посмотрели на часы и быстрым шагом двинулись в условленное место.

Серебристый «Понтиак» с затемненными стеклами стоял в тени деревьев. Когда сомалийцы подошли к машине, задняя дверца в ней открылась. Халид сел на переднее сиденье рядом с водителем, а Ахмад – на заднее, рядом с человеком в дорогом костюме и темных солнцезащитных очках.

– Ну, и как прошла встреча? – спросил человек. – Вы были осторожны? Ваша беседа прошла не на глазах у людей?

– Все хорошо, уважаемый Абдуллахи, – ответил за всех Ахмад. – Мы потолкались среди рыбаков из его деревни, послушали, что они говорят. Из всего, что мы слышали от самого Али, и из того, что услышали сегодня, можно предположить, что ставку стоит сделать на молодого парня по имени Шариф.

– Что за человек этот Шариф?

– Очень интересный человек этот Шариф Туни, – ответил Халид. – Ему не было и пятнадцати, когда море забрало его отца. Его самого подобрали в море русские. Какое-то время он жил в России, даже учился морскому делу. Потом почему-то вернулся домой.

– И его сразу подобрал Али? – спросил Абдуллахи с усмешкой.

– Почти сразу. И его не надо было долго уговаривать. Рыбацкого ремесла он не помнил, жить ему было негде, и есть тоже нечего. Попытался найти работу в городе, но там таких безработных и с хорошей квалификацией много. Я так думаю, что эта неудача с работой в городе стала последней каплей. У парня оставался только один путь – в пираты. Он не раздумывая согласился на предложение Али. Он вообще парень горячий и импульсивный.

– Вы уверены, что он не выкинет что-нибудь этакое?

– Уверены, он парень разумный. И не такой забитый, как все остальные рыбаки. Старик по имени Юсуф, у которого он сейчас живет в деревне, показал нам его в небольшом ресторанчике. Там мы и поговорили.

– Согласился?

– Конечно! – усмехнулся Ахмад. – Такой подарок судьбы свалился на него с неба. Парень-то с амбициями. Ну, и наивный, конечно, по молодости лет.

– Хорошо, молодцы, – похвалил своих собеседников Абдуллахи, – продолжайте. Но только не спешите и не торопите своего юного друга. Нам это побережье очень нужно. В Сомалиленде стало слишком много самостоятельных. Приберем к рукам вашего Шарифа, а затем доберемся и до остальных групп. Все они должны попасть в зависимость от нас. Постепенно всех посадим на большой крючок и будем иметь с побережья постоянный доход. Скоро там все будут работать на нас!

Вечером, вернувшись в деревню, Шариф пристал с расспросами к Юсуфу, но тот только отнекивался.

– Нет, Али не посвящал меня в свои дела. Кому он продавал добро, захваченное на судах, и как, я не знаю, Шариф. Он все держал в тайне. Я думаю, что Али обманывал своих людей, в том числе и тебя. Он говорил, что получал гораздо меньше, чем это было на самом деле. Вот поэтому я и думаю, что он никому не раскрывал своих знакомых.

– А этих двоих, что ты ко мне привел, Халида и Ахмада, откуда ты их знаешь?

– Я их не знаю и никогда раньше не видел. Они толкались среди наших рыбаков, те, наверное, и сказали, что ты живешь у меня.

– Они про меня расспрашивали?

– О! Конечно, расспрашивали. И очень хвалили тебя.

– Хвалили?

– Говорили, что ты прирожденный вожак, что скоро ты станешь самым известным пиратом на побережье.

– Они же меня совсем не знают! – воскликнул удивленный Шариф, однако щеки его запылали от удовольствия. – Так, говоришь, расспрашивали обо мне?

– И меня расспрашивали, – ответил Юсуф, – и думаю, что других тоже.

– Ну, ты понятно, а вот другие почему обо мне так хорошо отзывались? Я думал, что меня недолюбливают.

– Это твои глаза говорят и уши, – возразил хитрый старик, – а что говорит твое сердце? Люди привыкли ворчать и выражать свое недовольство даже тогда, когда их желудок набит. Но в душе, я думаю, они верят в тебя.

Шариф ничего не ответил, только покачал головой и вышел. Он некоторое время бродил по деревне, приглядываясь к мужчинам. Наконец, молодой человек решил подойти к одноглазому Фараху, самому опытному пирату, который занимался этим ремеслом еще до прихода Али.

– Фарах, давай поговорим.

– О чем ты хочешь поговорить со мной, парень? – насторожился пират.

– Скажи, Фарах. Ты самый опытный из всех нас, так почему же ты не вызвался стать вожаком? Люди пошли бы за тобой.

– Э-э, парень! Для того чтобы стать вожаком, надо знать грамоту, надо уметь болтать по-английски, надо иметь хороших друзей в городе. Много чего надо, чего не имеет одноглазый Фарах.

– А ты, Фарах, тоже не веришь, что я смогу стать вожаком и заменить Али?

– Как я могу поверить, что козленок может забодать льва, когда я этого не видел, – ответил пират, прищулив единственный глаз.

– А если я докажу, что на что-то способен, ты пойдешь со мной?

– Конечно, пойду. Я уже разучился работать в поте лица. Мои пальцы не смогут удержать сеть, моя спина не годится, чтобы таскать грузы в порту. У меня есть только один правый глаз, и поэтому мне очень удобно целиться – не надо прищуривать левый.

– Тогда я тебе скажу, Фарах, что я достану оружие, лодки, патроны. Я скажу тебе, что у меня есть люди, которые купят добычу. Ты пойдешь со мной?

– Ого! – воскликнул пораженный Фарах. – Юный Шариф взялся за дело серьезно. Если ты достанешь оружие, я не только пойду с тобой в набег, я всем скажу в нашей деревне, что Шариф уже вырос. Я скажу, что Шариф стал настоящим мужчиной и его смело можно назначать нашим вожаком.

– Тогда иди и скажи всем это, – гордо воскликнул Шариф, – через несколько дней оружие будет здесь, и лодки тоже. Готовься Фарах!

– Обязательно, Шариф! Я сразу же соберу людей, как только увижу здесь оружие и лодки, – заверил молодого человека хитрый пират.

Шариф скрипнул в бешенстве зубами, но промолчал. «Значит, не верит мне одноглазый!» Правильно, как он может поверить ему на слово... Ну, ничего, когда оружие будет в деревне, все сразу поймут, что Шариф слов на ветер не бросает. Позицию взрослых мужчин он знал и в глубине души понимал их. Но были еще и молодые парни – ровесники Шарифа или немного моложе его. Он хотел поговорить и с ними. Многие из этих парней хотели выйти в море с Али, но некоторые не решались на это, а некоторым запрещали их отцы. Да и Али неохотно брал новых людей в команду, потому что ему были не нужны лишние нахлебники. В его отряде всегда было не больше десяти-двенадцати человек. Только они получали свою часть

добычи. Всем остальным соплеменникам Али от добычи перепадали лишь жалкие крохи. Но люди и за такую малость готовы были целовать Али руки.

Своих юных соплеменников Шариф нашел на берегу, где они шумно и эмоционально спорили по поводу одного из рыбацких баркасов. Кто советовал одно, кто-то другое, но братья за дело никто не спешил.

– Эй, Абдирашид, – позвал Шариф одного из парней, – иди сюда, есть дело.

Парень робко подошел и удивленно посмотрел на Шарифа, который был почти его сверстником, но уже участвовал в нападениях на чужие суда.

– Как поживаешь, Абдирашид?

– Как все, – ответил парень, пожав плечами, – лодка плохая, далеко в море не пойдешь, а у берегов рыбы совсем не стало.

– Отец здоров?

– Болеет последнее время. Суставы на ногах опухли, ходить трудно.

– И как же ты думаешь дальше жить, Абдирашид? – строго спросил Шариф парня.

– Откуда я знаю, – ответил тот, опустив голову, – может, в город пойду – на рынке буду товар разносить или грузчиком в порту устроюсь.

– Э-э, там таких, как ты, очень много! – насмешливо сказал Шариф. – Работы в городе нет.

Абдирашид уныло повесил голову, не зная, что ответить. Насколько Шариф знал, Абдирашид не очень-то стремился найти работу. Большей частью он просто слонялся по берегу в те дни, когда они с отцом не выходили в море.

– Я собираю отряд, Абдирашид, – сказал серьезным тоном Шариф, – хочешь пойти со мной?

– Ты? – загорелись глаза парня. – Я бы пошел, только у меня нет оружия. Да и мужчины, я слышал, не хотят признавать тебя вожаком. С кем же ты хочешь идти?

– Они не хотят видеть меня вожаком, потому что не знают меня. Но они скоро узнают, что я могу многое. Скоро я привезу сюда оружие, которого хватит, чтобы вооружить целый отряд. Я приведу новые быстроходные лодки. Вот тогда все поймут, что Шариф может не только говорить, но и организовывать дело. Я уже договорился с людьми, которые будут покупать нашу добычу.

– Вот это да! – восхитился Абдирашид. – Может быть, ты возьмешь еще кого-нибудь из нашей молодежи, а, Шариф? Многие мечтают выйти в море, только раньше их не брали.

– Поговори, Абдирашид, со своими друзьями, – важно разрешил Шариф. – Даже одноглазый Фарах и тот согласен со мной идти. Я думаю, что когда на берегу будет лежать куча автоматов и будут стоять лодки, то многие мужчины пожалеют, что отказались от моего предложения. Мне нужно будет много людей, запомни. Я не Али, я не буду заниматься мелкими делами. Вам скоро будут завидовать на всем побережье от Берберы до Босасо!

Гордо подняв голову, Шариф отошел от парня. Он так увлеченно рассказывал Абдирашиду об открывающихся перед ними перспективах, что уже и сам нисколько не сомневался в успехе дела. Он твердо решил, что завтра утром отправится в город и даст свое согласие Ахмаду и Халиду. Надо только предварительно встретиться с человеком, которого Шарифу представили как торговца оружием. Он узнает, сколько стоит оружие, и назовет точную сумму, которую согласится взять в долг. Сейчас у рыбаков осталось всего шесть автоматов и несколько пистолетов. Этого очень мало. Нужно еще столько же автоматов, причем русских «АК-47». Нужен ручной пулемет, чтобы стрелять по ходовым рубкам несговорчивых капитанов. Обязательно нужен хотя бы один ручной гранатомет. И еще нужны как минимум две быстроходные лодки, запас горючего и, конечно же, патроны.

Шариф отправился в хижину Юсуфа, собираясь сегодня пораньше лечь спать. В его голове прокручивались захватывающие картины его будущих побед и удачных нападений.

Всего несколько дней отделяли Шарифа от долгожданного счастья. Всего несколько дней нужно потерпеть, а потом – достойная жизнь, всеобщий почет и уважение. Кто знает, может быть, Шариф станет настолько популярен среди местного населения, что сможет диктовать условия и местной власти.

– Ладно, черт с вами, – махнул рукой капитан Сенявин, – снимайте. В конце концов, если бы не вы, то неизвестно, сколько бы мы плутали по этой стране.

Английская съемочная группа подобрала трех русских моряков, бывших заложников пиратов, на шоссе. Англичане были потрясены рассказами пострадавших и всю дорогу уговаривали капитана дать интервью для английского телевидения. Михаил Васильевич все дорогу отнекивался. Наконец он поддался уговорам, но исключительно из чувства благодарности. Договорились, что англичане снимут сцену прибытия моряков в российское консульство.

Представитель российского морского пароходства уже ждал их.

– Слава богу! – проговорил он, пожимая руки моряков, когда они вошли. – Мы уже не знали, что и думать.

– Спасибо англичанам, без них мы могли бы и не добраться, – сказал капитан.

– Могли бы. Из рук морских бандитов, скорее всего, попали бы в руки сухопутных. Но как же вам удалось спастись?

– Один из пиратов оказался нашим старым знакомым, – он и помог, – с усмешкой ответил Михаил Васильевич.

– Знакомый пират? Не понял?

– Это очень давняя история. Несколько лет назад мы подобрали в Аденском заливе сомалийского мальчишку на обломках рыбацкой лодки. Груз был срочный, опаздывали, а мальчишка был очень плох. Мы тогда его с собой взяли, выжили. Он несколько лет прожил в Находке в семье нашего капитана. Учился в интернате, в мореходке, а потом что-то с ним случилось. Короче, вернулся он на родину и теперь занялся пиратством. Вот такая интересная история.

– И он вас вспомнил?

– Вспомнил, – грустно кивнул Михаил Васильевич. – Каша у него в голове полная, но, видать, к русским отношение все же сохранилось особое. Как видите, помог нам бежать, рискуя поспориться со своим главарем.

– А как его зовут, этого пирата?

– Зовут его Шариф Туни.

– Шариф Туни? Ладно, надо запомнить это имя...

Все оказалось намного проще, чем Шариф себе это представлял. Ахмад и Халид восхищенно цокали языками, расхваливая на все лады выбор, сделанный Шарифом: пять стареньких, но хорошо смазанных «АК-47», один «РПГ-7» с десятью гранатами, «ПК» с двумя полными лентами и еще двести патронов к автоматам. Все это лежало в кузове расшатанного грузовичка, который Шариф одолжил в деревне. Здесь же лежали аккуратно упакованные надувные десантные лодки с подвесными моторами к ним. Глаза молодого человека восхищенно блеснули. Он перебирал оружие, шелкал затворами, заглядывал в стволы.

– Все это теперь твое, Шариф, – сказал Ахмад, похлопав Шарифа по плечу, – мы уже за все заплатили.

– И сколько я вам теперь должен? – с искусственной непринужденностью спросил Шариф, пытаясь скрыть свое волнение от молодых рыбаков, которых он взял с собой на эту встречу.

– Пятьдесят тысяч, – ответил Ахмад.

– Шиллингов? – удивился Шариф, имея в виду сомалийский шиллинг.

Такая сумма его нисколько не напугала. В его кармане сейчас лежали три двадцатидолларовые купюры. Если учесть, что доллар в Сомалиленде сейчас стоил около тысячи четырехсот шиллингов, то Шариф имел в данную минуту больше восьмидесяти тысяч сомалийских шиллингов. Он мог бы отдать долг прямо сейчас, и у него еще оставались бы деньги.

– Нет, Шариф, не шиллингов, – с улыбкой ответил Ахмад, – пятьдесят тысяч долларов.

– Сколько? – вытаращил глаза Шариф, потрясенный этой суммой, которая равнялась примерно семидесяти миллионам сомалийских шиллингов.

– Оружие и патроны стоят очень дорого, – все с той же улыбкой ответил Ахмад, – но ты не должен переживать. Что такое пятьдесят тысяч долларов? В любой судовой кассе ты найдешь сумму в несколько раз больше этой. Один захват – и ты сможешь вернуть долг. Ну, может быть, два. А потом все это твое, и все деньги тоже. Всю добычу, которую вы захватите на кораблях, мы, как и обещали, поможем вам продать. Эти деньги быстро окупятся, Шариф.

Шариф покосился на молодых рыбаков, которые с восхищением смотрели то на оружие, то на своего молодого вожака, который при них вел деловые переговоры с серьезными людьми из города. Им все это нравилось, нравилось чувствовать себя взрослыми людьми, настоящими пиратами. Ни Шариф, ни тем более молодые рыбаки не знали, что на базаре в Босасо и оружие, и лодки стоили значительно дешевле, и за все про все Ахмад с Халидом заплатили в двадцать раз меньше того, что запросили.

– Хорошо, я беру все это! – согласился Шариф. – Через несколько дней я верну вам долг.

– Ну, вот и хорошо, – с улыбкой закивал Ахмад. – Желаем тебе успехов, наш юный друг.

Когда Шариф со своими молодыми друзьями уехал, Ахмад и Халид переглянулись.

– Вот теперь парень попал! – сказал Халид.

– С такими наивными работать одно удовольствие, – согласился Ахмад. – Посмотрю я, как он начнет зарабатывать деньги! Раз не получится, два не получится, а там уже и проценты побежали. Вот тут и придется ему со своими сопливыми головорезами выполнять наши заказы. Будет горбатиться на нас до самой старости.

– Ладно, поехали к боссу, – махнул рукой Халид, – надо доложить.

Собранный частично из опытных пиратов, частично из совсем неопытных юнцов, отряд Шарифа насчитывал двенадцать человек. Лодки были спущены и опробованы на воде. Молодой главарь разрешил даже истратить два выстрела, чтобы его люди знали, как стрелять из ручного гранатомета. Отряд был готов и изнывал от нетерпения. Еще раз напомнив своим людям, что из захваченной добычи себе придется оставить лишь совсем немного, чтобы быстрее расплатиться за оружие, Шариф приказал грузиться в лодки.

Оставляя за собой пенный след, три быстроходных судна понеслись в море. Шариф стоял с биноклем и осматривал горизонт в поисках добычи. Запас воды и провизии, который пираты взяли с собой, позволял пробыть в море дня три. Шариф был полон оптимизма и рассчитывал, что в первый же день ему повезет. Но проходил час за часом, а горизонт был чист. Лодки дрейфовали. Некоторые из пиратов дремали, привалившись к бортам, но большинство, – особенно молодые парни, для которых это был первый пиратский рейд, сидели как на иголках.

Шариф решил удалиться от берега еще на несколько десятков миль. Часа через два он наконец заметил небольшое судно северо-западнее. Пытаясь побороть нервную дрожь, Шариф отдал приказ заводить моторы. Взревев, три лодки ринулись к незнакомому судну. Это был рыбацкий траулер. Шариф плохо знал флаги и вымпелы, но судно могло быть или эфиопским, или йеменским. Собственно говоря, это не имело никакого значения. Более того, чужие рыбаки занимались незаконным ловом в сомалийских водах. Это делало предстоящее нападение акцией возмездия.

Рыбаки заметили пиратов слишком поздно и уйти от них на своем тихоходном судне уже не смогли. Минут через тридцать быстроходные лодки разошлись веером, охватывая рыболов-

ное судно с двух сторон. Шариф велел выстрелить короткой очередью из пулемета над судном. Стрельба не произвела впечатления на рыбаков. Они лишь развернули свой траулер кормой к пиратам и продолжали уходить на север. Вторая пулеметная очередь подняла на воде кучу водяных фонтанчиков перед рыбацким судном. Наконец капитан решил не играть в догонялки, чтобы не ухудшать свою участь.

Приказав команде одного катера держать траулер под прицелом, Шариф направил свою лодку к борту судна. Легкая алюминиевая лестница зацепилась за борт, и главарь первым полез наверх. Рыбаки столпились на палубе и хмуро смотрели, как к ним поднимаются пираты. Шариф вместе с двумя опытными помощниками повели капитана в его каюту. Тот безропотно подчинился.

Одноглазый Фарах быстро нашел капитанский сейф за занавеской в углу.

– Открывай!

Капитан, угрюмо поглядывая на вооруженных людей, полез в карман и извлек оттуда связку ключей. Поковырявшись в замочной скважине сейфа, он открыл дверку и отошел в сторону. Фарах стал доставать из сейфа и бросать на стол судовые документы, какие-то страховки, техническую документацию на оборудование. Наконец появились и деньги в двух полиэтиленовых пакетах. Пачки были большие и сложены из купюр самого разного достоинства. Были в пакетах и сомалийские шиллинги, и йеменские риалы, и арабские дирхамы, и саудовские риялы, и эфиопские быры. Были даже джибутийские франки. Но, самое главное, у капитана были американские доллары.

Кроме денег пираты забрали несколько наручных часов, два кольца и несколько золотых цепочек. В каюте капитана нашелся еще относительно новый музыкальный центр и немного столового серебра.

Когда катера отошли от рыбацкого судна, Шариф сложил всю добычу в большой пакет под жадными взглядами своих товарищей. «Ничего, – решил он, – это первая добыча. Возможно, за это мне дадут крохи, но все еще впереди».

Катера провели в море больше суток, но больше ни одного судна им так и не попало. Шариф дал команду возвращаться. Молодой вожак решил дать своим людям немного отдохнуть на берегу, а самому попытаться реализовать первую добычу. Странно, но Ахмад и Халид от встречи с ним уклонились, сославшись на занятость. Шариф догадался, что такая мелкая добыча их не интересует, и решил сбыть все сам. Он не стал особенно упираться, когда менял иностранную валюту на американские доллары и продавал захваченные вещи. Спорить, не зная конъюнктуры, было бесполезно. Шариф решил, что со временем он освоится в этих вопросах, а сейчас важнее всего было хоть что-то дать своим помощникам, чтобы поднять их боевой дух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.